

Владимир Кожевников

Хромосома

Китса

Владимир Кожевников

Хромосома Китса

<https://litres.ru/74078276>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире тотальной генетической модификации женщина без изменений — анахронизм. Её организм отвергает среду, созданную для новых людей. Случайная встреча с сияющим существом, бывшим человеком, переворачивает её жизнь. Он — вершина эволюции, она — ошибка природы, но их связывает несовершенная тень, которую видит только она. Эта тень — единственная правда. Их любовь становится биологическим бунтом: попыткой соединить несовместимые коды и зачать жизнь вопреки запретам. Ради этого он жертвует бессмертием, проходя через мучительную обратную мутацию. Их дочь, рождённая в руинах, несёт в себе два мира — смертный и вечный. История о том, что эволюция — не отказ от слабости, а умение принять её. О гравитации, художнике, рисующем тени, и девочке, замкнувшей разорванную спираль.

Содержание

Пролог. Хлорофилл под ногтями	4
Глава 1. Анахронизм в белой галерее	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Хромосома Китса

Пролог. Хлорофилл под ногтями

Дождь в этом городе не имел ничего общего с тем живительным потоком, что питал поля за пределами куполов. Он был похож на жидкие бинты, пропитанные антисептиком, — холодный, липкий, с металлическим привкусом на губах. Мир за пределами бетонного козырька плавился в токсичной взвеси, насыщенной вирусными векторами, пептидными каскадами и тончайшей пылью генетически модифицированных спор. Для любого Homo Modificatus это был просто питательный душ; их кожа, снабжённая фильтрующими мембранами, впитывала полезные наниты, отторгая вредные. Для Лир это была газовая камера.

Она стояла, плотно прижав к лицу респиратор с угольными фильтрами — артефакт из двадцатых годов прошлого века, поцарапанный, с выцветшими ремешками. Каждый вдох давался с усилием, заставляя лёгкие гореть, словно в них плеснули кислотой. Старый шрам на шее — след от укуса осы, едва не убившей её в детстве, — чесался нестерпимо, и она чувствовала, как вокруг него кожа припухает, реагируя на взвесь аллергенов. Её клетки сходили с ума в ми-

ре, который стал одной большой аллергией. Она была анахронизмом. Биологической ошибкой. Живым ископаемым, застрявшим в эпохе, где человечество шагнуло за грань собственной природы.

— Ты все еще носишь это, — голос прозвучал мягко, почти интимно, хотя обладательница стояла в нескольких метрах.

Зоэ вышла из дождя абсолютно сухой. Капли отскакивали от её кожи, покрытой тончайшим гидрофобным секретом, который, как говорили, был синтезирован на основе генов паука-серебрянки. Под матовой, словно рисовая бумага, кожей Зоэ пульсировали золотистые медузы — крошечные биолюминесцентные органеллы, создающие иллюзию вечного заката. Это было красиво. Болезненно красиво, как закат над умирающим морем.

Лира опустила респиратор, чтобы ответить, и тут же почувствовала, как начинает зудеть язык. Небо зачесалось, в горле возникло першение, а мир моментально приобрёл металлический привкус надвигающегося анафилактического шока. Она знала этот симптом слишком хорошо. Ещё пара минут без фильтра — и начнётся отёк гортани, потом удушье, потом темнота. Но она всё равно ответила:

— Это не маска, Зоэ. Это мои жабры.

Зоэ посмотрела на неё с выражением бесконечной, искренней печали. Так смотрят на раненого дельфина, выброшенного на берег. Так смотрят на последнего странствующе-

го голубя в клетке зоопарка. Она не видела в Лире соперника. Она видела призрака. Живое напоминание о том, от чего они все ушли — о смертности, о хрупкости, о грязи.

— Вчера Совет по Биоэтике одобрил «Закатную программу», — тихо сказала Зоэ, и её медузы на мгновение потускнели, словно от стыда. — Для тех, кто не может адаптироваться. Это не стерилизация, что ты. Это... эвтаназия вида. Безболезненная. Тебе предложат уйти красиво, Лира. Превратиться во что-то, что останется. В кристалл. В дерево. Говорят, это как заснуть и проснуться растением, вечным и спокойным.

Лира молчала. «Закатная программа». Значит, правительство перешло от слов к делу. Их не убьют. Им просто «помогут завершить переход». Биологический эвфемизм для геноцида. Она смотрела, как капли дождя, пропитанные нанитами, ударяются о плечи Зоэ и скатываются, не оставляя следа. А её собственное пальто из натуральной шерсти — смешное, убогое пальто, которое она купила за бесценок у старьевщика, — уже промокло насквозь. Она чувствовала, как холод проникает до костей, как дрожат пальцы.

Зоэ ушла, оставляя за собой шлейф из запаха переработанного CO₂ — ею буквально дышали симбиотические водоросли, вживлённые в лёгкие. Лира осталась одна под козырьком. Город вокруг жил своей жизнью: люди-фотосинтетики расправляли листья-лопасти, впитывая влагу; люди-грибницы, вросшие в стены зданий ризомами, перераба-

тывали смог в сахара; люди-аквариумы, чьи прозрачные сосуды служили домом для генно-модифицированных рыб, дефилировали по улицам, освещённые собственным внутренним светом. Мир стал выставкой живых инсталляций, где каждый сам был и холстом, и краской, и художником. И только она, Лира, оставалась просто зрителем. Зрителем, которому нельзя прикоснуться к экспонатам.

Она заставила себя остаться. Вытащила из кармана старую, острую, как скальпель, ручку-линер и клочок бумаги — настоящей, целлюлозной, которая уже начала размокать от сырости. Прямо напротив неё, в нише из живого мицелия, укрывался от дождя модификант класса «Архитект». Его ноги проросли в стену здания ризомами, он буквально стал частью города, перерабатывая смог в сахар. Человек-фундамент. Человек-грибница. Его глаза были закрыты, и он, казалось, пребывал в вечном трансе единения с биосферой.

Лира начала рисовать его, но её рука, словно обладая собственной волей, скользнула в сторону. Она нарисовала не его. Она нарисовала тень за его спиной. Тень, которая падала вверх, а не вниз — вопреки законам физики, вопреки логике, вопреки всему, что считалось нормальным в этом вывернутом мире. Тень, сотканную не из тьмы, а из сгустков звёздного газа. В центре этой тени она изобразила спираль. Двойную спираль ДНК, разорванную посередине, похожую на сломанную пружину часового механизма. Механизма, который отсчитывал время назад.

Она не знала, почему рисует это. Возможно, это был единственный способ кричать в мире, где её голос не имел значения. Возможно, это было предчувствие. Предчувствие встречи, которая разорвёт её жизнь на «до» и «после». Где-то там, в башнях из коралла и кремния, жил Китс — величайший художник эпохи, превративший своё тело в сияющую туманность. Человек, который научился летать. Человек, который забыл, что такое гравитация.

И она должна была увидеть его до того, как «закат» опустится на всех, кто ещё помнил вкус обычной воды.

Глава 1. Анахронизм в белой галерее

Галерея «Оссуарий» была построена из слоновой кости, добытой без убийства. Клонированные бивни мамонтов переплелись под куполом, источая слабый запах кальция и временных аномалий. Этот запах был почти сакральным — так пахнут древние соборы, где столетия молитв впитались в камень. Пол был тёплым и упругим: под ним, в питательном геле, пульсировала центральная нервная система художника Морфо, транслируя свои первобытные импульсы прямо в сознание посетителей. «СВЕТ», «ТЕПЛО», «СТРАХ» — эти слова вспыхивали в мозгу каждого, кто ступал на его оголённые нейроны. Лира перешагнула через аксон толщиной с кабель, стараясь не наступать на миелиновые оболочки, светившиеся тусклым перламутром. Ей казалось кощунством ходить по чужой нервной системе, но остальные посетители не обращали на это внимания — они обменивались телепатическими комментариями через нейроинтерфейс, даже не глядя под ноги.

В центре «Оссуария», в вакуумной колбе из напряжённого кварца, парил Китс.

Его тело было разобрано на миллиард квантовых точек, и каждая точка вибрировала, излучая холодный, рождённый

внутренним термоядерным синтезом свет. Контур мужской фигуры угадывался — широкие плечи, длинные руки, гордая посадка головы, — но он был размыт, словно смотришь на человека сквозь марево над раскалённым асфальтом. Вокруг него вращались кольца нано-линз, и каждая линза пела свою ноту, создавая неслышимый ухом, но ощутимый кожей гул. Это было красиво. Мертвенно красиво. Так красиво, что захватывало дух и одновременно хотелось плакать.

Лира смотрела не на свет. Она смотрела вниз. На пол.

В сложной системе компенсации магнитных полей был крошечный изъян. Раз в три секунды, когда нано-линзы перестраивали фокусировку, на пол падала тень. Короткая, жирная, резкая тень, совершенно не совпадающая с сияющим образом. Тень принадлежала обычному мужчине с чуть искривлённым позвоночником — следом старого перелома или сколиоза. Эта тень была грубой, несовершенной, как мазок угля на белоснежном холсте.

Лира замерла. Она смотрела на тень, и сердце её колотилось где-то в горле. Она видела то, чего не видели другие. Она видела истину, скрытую за спецэффектами. И эта истина была прекраснее всего сияния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.